

НРАВСТВЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© 2009 г. М. И. Воловикова

Доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН, Москва

Хотелось бы поддержать тему, а также ту широту охвата проблемы, которая представлена в статье А.В. Юревича¹. Разрабатываемая в рамках анализа макропсихологических процессов, происходящих в современном российском обществе, тема нравственного состояния нашего общества давно нуждается в привлечении к себе внимания многих специалистов. Описанные негативные факты, собранные вместе, конечно, впечатляют. И хотя в последние годы невооруженным глазом видно, что нравственное состояние общества не улучшается (а если быть более точными – заметно и обвальным образом ухудшается), однако предложенный список “сведений о моральной деградации” убедительно демонстрирует, насколько серьезна ситуация в нашем обществе при сопоставлении с аналогичными данными по другим странам.

Конечно, для ученых это не повод к тому, чтобы опускать руки. Наоборот, зачастую честный анализ проблемы позволяет перейти к грамотным стратегиям ее решения. Задача психологов – внести свой вклад в изменение этой удручающей картины.

В психологической науке накоплен большой объем знаний о закономерностях морального развития, о роли совести в психическом (и даже физическом) состоянии человека. Имеются исследования развития морально-правового сознания, бытующих представлений о нравственной личности. Хотя в отечественной психологии традиционно внимание к нравственной сфере всегда было очень велико (см. работы С.И. Рубинштейна, Л.И. Божович, Б.С. Братуся, Т.А. Флоренской и др.), однако конкретные методики диагностики морального развития пришли к нам из западной психологии, а потому улавливаемый в русском языке оттенок термина “нравственный” при переводе не сохранился, и употребление термина “моральный” без учета этого “русского” оттенка является, с моей точки зрения, оправданным. Когда мы опираемся на работы Павла Флоренского, Ивана Ильина, других отечественных мыслителей, то нам может открываться глубина понятий “нравственный закон”, “нравственное сознание”. Но когда речь идет о включении наших работ в контекст огромного массива исследований по диагностике морального

развития, собранного в мировой психологии, то здесь приходится временно абстрагироваться от данного оттенка, означающего “нрав”, т.е. какие-то значимые глубинные основы характера.

В статье А.В. Юревича содержится предложение выделить “стадии моральной деградации” (аналогично, но в противоположность стадиям морального развития Ж. Пиаже и Л. Колберга). Нам представляется, что, обсуждая такое предложение, мы начинаем переходить с языка “метанауки” на собственно язык психологии, т.е. начинаем опираться на те разработки морально-нравственной проблематики, которые уже существуют в психологической науке. При этом встают новые проблемы, требующие своего анализа и разрешения. Например, методики, разработанные в иной культуре, нуждаются в проведении специальной работы по их адаптации к российской культуре, к нашему менталитету. Так, в наших работах было показано, что российский путь моральной и правовой социализации отличается от социализации в западном обществе, где усвоение моральных и правовых норм происходит через подражание образцам поведения и только у отдельных лиц достигает высшего (по Колбергу) уровня развития морали, опирающегося на совесть. В российской выборке наиболее полно представлены два полюса – либо выполнение моральных правил из-за страха наказания, либо опора на совесть. А с серединой (с уровнем, достигаемым большинством в западном обществе, когда следуют моральным правилам, потому что так принято поступать, чтобы быть “своим среди своих”) у нас связан некий “провал”. Видимо, так это сложилось исторически. Можно анализировать причины, но учитывать эту специфику при адаптации применяемых методик необходимо.

Из сопоставления разных путей моральной социализации следует, что выходы из удручающего состояния морально-нравственной сферы современного российского общества, предложенные в обсуждаемой статье, вполне соответствуют двум выявленным “полюсам” морального развития. Это либо послушание из-за страха наказания, и тогда оправданы (и эффективны!) репрессивные меры воздействия, либо опора на голос собственной совести, и тогда понятно предложение об использовании такого “ресурса” как вера и церковь (глав-

¹ А.В. Юревич. Нравственное состояние современного российского общества // Психол. журн. 2009. № 3. С. 107–117.

ное, как это, увы, часто бывает в российской практике, не перепутать адресатов “репрессивных воздействий” и призывов к совести).

В чем основная проблема макропсихологического подхода к исследованию нравственности? Она – в междисциплинарном характере обсуждаемой сферы, и требуются специальные усилия, чтобы обозначить ту часть, которая принадлежит собственно психологической науке (а не философии, социологии и т.п.).

С другой стороны, учитывать макропсихологические показатели совершенно необходимо, так как потребность в том, чтобы увидеть состояние проблемы в целом, обозначить пути и направленность развития происходящих процессов, просматривается по тем ожиданиям, которые обращены к исследованиям такого рода. В этом и состоит запрос общества к психологической науке.

Наряду с этими общими выводами хотелось бы высказать несколько более частных соображений по тексту обсуждаемой статьи. Одно из них касается часто приводимого факта “не уступания мест старушкам в транспорте”. Будучи подобной старушкой, я смогла изучить проблему “методом включенного наблюдения”. Место уступают, но только юноши с Кавказа, молодой “джигит” просто не может сидеть в присутствии пожилого человека. Привитое с детства уважение к старшим так велико, что он уступает место не раздумывая, почти автоматически. Поэтому говорить о едином и одинаковом для всех народов уровне развития морали в российском менталитете без учета этнического своеобразия не очень правильно.

Роль традиций благотворна в нравственном развитии. Об этом говорил С.Л. Рубинштейн, анализируя, что происходит с нравственным состоянием личности при разрушении традиционных устоев. Он также говорил и о том, какие пути встают перед человеком для выхода из нравственного тупика. Собственно, выход один – это интенсивная работа нравственного сознания по анализу и исправлению своего внутреннего состояния (работа совести), в противном случае – это путь полной нравственной деградации, цинизма и последующего саморазрушения личности.

А.В. Юревич предлагает использовать выражение Э. Гидденса “испарение моральности” для обозначения нравственного состояния современного российского общества. Действительно, общественные моральные нормы каким-то незаметным образом осуществляют свой дрейф в сторону не просто понижения, но обвала. Так, например, в диссертационном исследовании, недавно завершеном в Казани под руководством Л.М. Попова, показано, что у студентов норма, связанная с запретом на сквернословие, практически не работает, т.е. большинство студентов (около 70%) не считает использование ненормативной лексики (наря-

ду со злословием о других людях) отрицательным в моральном отношении качеством (Т.В. Сучкова, 2008). Аналогичные факты мы обнаружили в своем исследовании социальных представлений о нравственной личности.

Что касается обсуждения нравственных аспектов экономической деятельности, то здесь можно напомнить о некоторых тенденциях развития российского общества, выявленных социологами, работавшими пять лет назад в рамках проекта “Томская инициатива”. Они четко разделили нравственные ориентиры на православный и протестантский идеалы и пришли к выводу, что у современного среднего класса ценностная ориентация связана с протестантской этикой. То есть возврат к религии происходит, но это уже не обязательно будет родное православие.

Положение автора статьи о всепобеждающей “морали преступного мира” хотелось бы дополнить соображением о том, что и сам преступный мир деградировал в своей морали. Исчезают как вид “воры в законе” со своим (хоть каким-то) “кодексом чести”, построенном на принципах “корпоративной морали”. Когда происходит моральный обвал, то предела в этом процессе, увы, не существует. Потому и цитирование в обсуждаемом тексте слов академика Гинсбурга о том, что юристы – это “позор нашего общества”, хотелось бы уравновесить напоминанием о ценности юридического закона как такового. Ценно все, что еще хоть как-то способно сдерживать энтропию в нравственной сфере.

Хотелось бы подробнее обсудить “советскую мораль”. Настало время серьезного анализа советского периода в истории нашей страны. Можно отметить, что интерес к этому периоду проявляют филологи, политологи, социологи и другие специалисты. СССР была мощной державой, одержавшей победу в Великой Отечественной войне. Нравственное состояние советского общества в целом было не сопоставимо с современным его состоянием. Для подтверждения достаточно посмотреть профессиональным взглядом на художественные фильмы этой эпохи. Наряду с натяжками и разными идеологическими глупостями, в них столько детской чистоты, любви (приходится добавлять – в хорошем смысле этого слова), дружеских искренних отношений. Недаром появились ремейки типа “30 лет спустя” (современные варианты “С легким паром” или “3 плюс 2”), указывающие на то, как неузнаваемо все изменилось в человеческих отношениях.

Проблемы, связанные с психотравмирующими следствиями морального обвала, начинают широко обсуждаться. Как пример можно привести доклад Т.П. Емельяновой на Юбилейной конференции ИПРАН, где было предложено использовать термин Петера Штомпки “культурная травма” по отношению к происходящим социально-психоло-

гическим процессам. Наше общество травмировано теми идеологическими “ломками”, которые происходили на протяжении нескольких поколений.

Одна из самых глубоких травм связана с крушением идеала. Об этом мало говорят, но есть работы, доказывающие, что победившая идеология коммунизма была религиозной системой. В начале Ленин критиковал “богоискательство” и “богостроительство” Луначарского и Горького, пытаясь построить государственную идеологию на рационально-прагматических основах. Не построил – может быть, не успел, а, скорее всего, это была бы в принципе нежизнеспособная система. Для идеологического строительства социалистической державы из Капри был доставлен “богостроитель” Горький, финансировался киномиф Александра и т.п. Закрепленный в ярких и талантливых обра-

зах, идеал коммунистической эпохи, так похожий на христианский идеал прежней России, но “сепаратистский” в своих основах, продолжает жить в сердцах и умах современников. Можно, конечно, сокрушить его в очередной раз “до основанья”, но тогда и происходит “культурная травма”.

Большой позитивный смысл статьи А.В. Юревича состоит в том, что проведен анализ макропсихологических процессов в нравственной сфере современного российского общества. Поднятая тема ставит много новых проблем и дает перспективы для проведения новых исследований. Например, это собственно психологические проблемы, о которых идет речь в тексте: привлекательность негативных образцов поведения, проблема нравственной ответственности и другие.